

№357 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Икона для умножения денег

Сегодня православный люд празднует очередную икону Божьей Матери, именуемой - «С грошиками».

Каких только нет икон – их тысячи - «Благодатное Небо», «Блаженное Чрево», «Взыграние Младенца»...

Есть наименования **мотивирующие**, так сказать: «Вододательница», «Златоисточник», «Спорительница хлебов».

Имеются и **патриотические** – скажем, «Воскресающая Русь».

Военные, в шутку сказать - «Огневидная», «Семистрельная», «Освободительница».

Охранные, так же, если несерьёзно: «Недремлющее Око», «Непроходимая Дверь» и подобные.

Зовущие к прекрасному, как например: «Неувядаемая Роза»

Утешение для алкоголиков, как все знают – та же «Неупиваемая Чаша».

Клерикальные в арсенале - типа «Икона Богоматери «Попская».

Медицинские, например - «Помощница в родах».

Эротические, как то – «Сладкое Лобзание».

Чернобыльские, в шутку скажем - «Троеручица».

Хозяйственные - «Экономисса»

Фруктовые - «Двадцатифиниковая».

«Сиротская» - согласно наименованию

«Плакущая» - соответственно,

Кришнаитская - «Панагия Ту Хару» - исключительно по речевой ассоциации,

Уличные - «Перекопская», например - так же по созвучию,

Аэровокзальные - «Домодедовская», аналогично,

«Влажная шерсть» - на любителя. И так сотни и тысячи типов написания икон Девы Марии.

А сегодня мы отмечаем **«денежную»** икону «Всех скорбящих Радость с грошиками», которая прославилась в 1888 году в Петербурге.

Каким образом? Во время страшной грозы молния ударила в часовню и угодила прямо в ящик для пожертвований, стоявший перед иконой Богоматери. Мгновенный и вместе с тем колоссальный скачок температуры привёл к взрыву этой копилки, раскалённые монеты разлетелись в разные стороны. Несколько из них попали в икону и вплавились в её красочную поверхность. По другой версии раскалённые монеты прилепились к иконе во время тушения пожара в часовне. Но как бы то ни было – денежные знаки стали неотъемлемой частью священного образа.

Радости, надо полагать, не было предела – и у Богомольцев, и у духовенства. Чудо! На свет появляется священный предмет, способствующий умножению денег, которых, практически всем нам так не хватает, ну разве что после здоровья. Популярность иконы обещает стать вселенской. Всего

через десять лет на месте часовенки в Питере уже стоял величественный храм во имя иконы «Всех скорбящих Радость с грошиками», который стал одной из самых посещаемых и любимых спехей церкви Петербурга ещё а те времена. Специально для удобства богомольцев к ней было устроено сообщение по реке Неве на катерах и паровых конках, а маршрут к этой церкви указывался на массово издаваемых листочках с планом города.

При советской власти храм был, как и многие другие, разрушен, но сейчас строительство идёт полным ходом - это на проспекте Обуховской Обороны, причём, по красоте и величию, здание обещает быть одним из архитектурных чудес света.

Что можно сказать относительно всех этих вещей?

Много чего. Это и констотация живучести дикарского язычества, причём в форме примитивнейшего фетишизма, это ложь духовенства в целях **благих**, а иногда и просто жажда наживы церковников, а нередко - отсутствие элементарного духовного образования и христианской культуры. Иными словами – сие либо относительно **невиное** заблуждение, либо алчное вероломство. Всё это надо понимать.

И, тем не менее следует опасаться крайностей – не уподобляться тем протестантам, которые выбрасывают или даже уничтожают иконы. На самом деле – хорошие образа – это достояние Церкви – и культурное, и духовное.

Во-первых, это **красиво** – настоящая икона, написанная талантливым иконописцем, а перед нею возожжённая лампада.

Во-вторых, прямое назначение иконы – **напоминать** любому из нас о невидимо присутствующем всегда с нами Всевышнем, а так же старших наших братьях и сёстрах перешедших в жизнь иную, духовную.

В-третьих, хорошие иконы способствуют молитвенному **сосредоточению**, созданию **молитвенной атмосферы** как в храме, так и в жилище. Сосредотачивая взор свой на **образе-иконе**, как гласит одно из постановлений 7-го Вселенского собора, ум свой мы возносим к Первообразу – **Богу**.

В-четвёртых, даже если человек ещё недохристианин и вместо того, чтобы всю веру и надежду полагать лишь на Господа Бога, воспринимает изображение как **самостоятельный** источник вспоможения, наделяя его волшебными свойствами, что, безусловно является заблуждением, однако - немощных в вере, как говорил апостол Павел, нужно принимать без споров (*1Кор.10,25*). Быть может эта «чудотворная» в кавычках икона для него своего рода костыль, без которого он вообще передвигаться не в состоянии.

«Да минует меня чаша сия!»

О.Иоанн: «Несколько лет назад произошла одна история, с одной стороны приятная, с другой – наоборот. Как-то одна особа, уезжающая на ПМЖ в дальнее зарубежье, решила подарить нашему Сретенскому собору дом на Текстильном, что и осуществила. Дом старенький, но вполне функциональный – все коммуникации, в том числе и газ были исправны, неплохой участок. Единственный, но громадный минус – далеко от нашего с Вами храма Сретенского. А в то время у нас была острая нужда в помещении для занятий Воскресной школы. Обмен недвижимости дело, конечно, не простое, но с Божьей помощью, мы надеялись справиться с этой задачей – подыскать что-то подходящее в нашем районе.

Наши поиски хронологически совпали с образованием там церковной общины преподобных Зосимы и Савватия – им нужно было помещение, которое можно было бы со временем реконструировать под храм.

Наш Владыка внёс предложение – предоставить молодой общине этот, подаренный Сретенскому собору дом в пользование – дескать, пусть там уже идет Богослужения, а тем временем назначенный

туда молодой священник вместе с активом общины будут потихонечку собирать деньги для покупки дома в сухаринском районе для нашей с Вами Воскресной школы – глядишь, через года два-три и решился бы этот вопрос к обоюдной пользе. Но тут я сплеховал – и как настоятель собора и как секретарь епархии – не составил письменный договор, поверил церковникам на слово. Уверяю Вас – такого делать нельзя ни в коем случае. И всегда надобно помнить слова приснопамятного Мазарини – Высокопреосвященнейшего Джулио – кардинала и первого министра Франции 17-го века. Он говорил: «Подобает доверять всякому человеку как всечестному угоднику Божию, но присматривать за ним следует, как за последним плутом».

Короче, не вдаваясь в подробности, - долг возвращать они не стали, а в качестве упредительного удара, сговорившись с их тогдашним настоятелем, сочинили сплетню, что мол, Иоанн Замараев намерен изгнать их из дома молитвы и открыть там пивную. Гениальный ход, надо сказать – психологически всё верно – чем чудовищнее ложь, тем легче люди в неё верят. Я был в полном шоке, не знал, что делать. Владыка посоветовал мне поступить по Евангельски – простить им долг и забыть. Простить-то я простил, а забыть – сложнее - иногда вспоминаю. Так, что – не надо никаких иллюзий, это в **мистическом** плане - Церковь – Тело Христово, а в земном – эмпирическом - сброд кающихся грешников, хорошо, если кающихся.

А на сей раз вспомнил я эту историю, по следующей ассоциации.

Дело в том, что я не привык получать такие подарки, дескать, вот, батюшка – дарю Вам дом – настоящий – для меня это что-то из области фантастики. Поэтому некоторые вещи удивляли. В частности, оказывается для того, чтобы подарить тот же дом, необходимо **согласие** на его получение – письменное, оформленное нотариусом согласие принять этот дар. Представляете, я должен был писать, что не имею ничего против, не возражаю принять в подарок дом по такому-то адресу. Ещё бы – кто возражал! В принципе, всё верно, если вдуматься. Но, с другой стороны, и в голову не лезет – человек дворец тебе хочет подарить, но не может – без твоего официального письменного согласия».

Действительно, Господь хочет нас спасти от духовной смерти, казалось, - вперёд, спасай! Ан, нет. **Согласие** наше должно быть на спасение. Это **мы** с Вами, вытаскивая из петли человека, за него решаем – жить ему или не жить. И обижаемся, когда подростки то и дело предъявляют родителям претензии, мол, а Вы моего разрешения спрашивали рожать меня? Понятно, что **мы** правы, **мы всегда** правы – и ни капля не сомневаемся, что спасти тонущего человека однозначно хорошо, и **правильно** делаем, что спасаем. Другое дело, **Бог** не всегда на стороне нашей правоты, к нашему глубокому возмущению – вон будет Страшный суд, тогда предъявим Всевышнему обвинения – мало не покажется.

Господь каждому из нас протягивает руку помощи – хватайся и держись покрепче – и из болота греховного нас вытащишь и вознесёт нас на Небеса. Но за шкуру без спросу Христос таскает тебя не будет. Потому, что это **люди** норовят без разрешения осчастливливать человечество – коммунистический рай там в других странах устраивать, Иракцев благодетельствовать, свергнув Саддама Хусейна и прочее, а Господь умеет чтить свободу каждого даже самого несуразного бомжа. Да, грех – это плохо, но мы имеем на него право. Наше дело – быть **плохими** мальчиками и девочками или хорошими, **отвечать** на Божий призыв, принимать его спасение или отвергать.

И вот, как мы говорили в прошлый раз, существует механизм нашего волеизъявления – достаточно простой, но весьма надёжный. – хочешь дать Богу знак, что нуждаешься в спасении – сделай Новозаветный «жест», так сказать. Хочешь уцепиться за Христа – приходи – становись возле престола и возноси вместе с братьями и сёстрами Евхаристический Хлеб и Вино Богу Отцу – причащайся Телу и Крови Христовым. Дай знак Иисусу, тот знак, о котором было условлено на Его последней пасхальной вечери перед страданиями и смертью на Кресте, когда в ходу обычной пасхальной трапезы, раздавая хлеб, - как и положено возглавляющему этот ритуал, Он сказал: «Это - Тело Моё, за вас прелом-

ляемое, во оставление грехов» - вкушайте. «А это вино – Кровь Моя Нового Завета» - пейте из чаши сей! Иными словами – то, что в чаше – является знамением Нового Завета. И когда мы поднимаем святую чашу с вином Евхаристии, т.е., чашу воспоминания о всём, что Господь совершил для нас и благодарением за всё - бывшее, настоящее и будущее, мы выполняем **свою** часть Завета, мы свидетельствуем о желании быть в Телу Христовом, быть единокровными Иисусу – а быть во Христе – это и есть первейшее условие Спасения от духовной смерти и обретения Вечной Жизни.

Всякий раз, подходя к святой чаше, мы подтверждаем Завет, заключённый Иисусом на Тайной вечери с учениками своими, а через апостолов и со всеми нами, мы подтверждаем своё вхождение в этот Завет, актуализируем его для себя. Именно подтверждаем, потому, что заключён этот Завет однажды Самим Господом, и мы не переписываем его, мы не совершаем его заново, а каждый раз говорим Богу: да, ничего не поменялось, я не хочу разрывать этот договор с Тобой, я жажду оставаться с Иисусом.

Вот, вкратце смысл, происшедшего тогда в сионской горнице на вечери Иисуса со своими учениками.

После пасхальной трапезы Господь выходит в Гефсиманский сад, и там Он молится. Молится до кровавого пота – «Да минует меня чаша сия». Очень трудные для понимания слова. Почему Христос так говорит? Он-то давно уж знал, что Ему предстоит, и много раз ученикам Своим говорил о том, что Ему **надлежит** быть убитым. И всё-таки молитва Отцу.

Смерть на Кресте – страшная смерть – вряд ли нам это возможно представить. Но главная проблема в том, что крестные страдания – это только вершина айсберга тех мучений, которые претерпел Господь. Нам и миллионной доли этого не понять. Дело в том, что Спасителю смерть не просто мучительна - она **противна его сути**. Не только смерть, сама жизнь в этих узких рамках трёхмерного пространства Господу невыносимо тягостна. Его страдания начинаются уже с Воплощения и вся земная жизнь - сплошные муки. Если нам с Вами коленку больно ударить, споткнувшись, а здесь, представьте, «грохнуться с Небес». Да ещё скверну грехов всего человечества взять на Себя – это вещи вообще неопишемые.

Но самое страшное – это то, что мы можем условно назвать «смертью Божества» – именно **условно**, потому, что, конечно же, Бог бессмертен, как мы хорошо понимаем с Вами. Самое ужасное Ему предстоит - даже не висение на Кресте, а то состояние, которое получило в Церкви наименование **Богооставленности**. Как мы знаем с Вами, Единый Бог троичен в лицах. Мы исповедуем с Вами Единого в Троице Бога Единосущным и **Нераздельным** в лицах. Бытие Всевышнего – это **единство** лиц Пресвятой Троицы. Но здесь, перед самой смертью Иисуса на Кресте – физической смертью природы человеческой, происходит нечто вообще несуразное, не вмещающееся ни в какие Богословские рамки – как бы и Божество Христа претерпевает смерть – не в смысле прекращает бытие, а отлучается от троичного единства – претерпевает некий кошмарный, как бы сказать, распад троичности. А распад, разложение – это нечто родственное смерти. Бог Сын, соединённый с человеческой природой Иисуса отлучается от Бога Отца, теряет с Ним связь, и тогда Богочеловек Христос восклицает: «Боже мой, зачем Ты Меня оставил?» Это были самые страшные слова Иисуса, в абсолютно несказанных и невыносимых мучениях Господа – и по человечеству и, по всей видимости, по Божеству.

Вот поэтому, наверное, и срываются с уст Христовых в Гефсиманском саду эти слова молитвы: «Да минует Меня чаша сия». Но «Не Моя да будет воля, но Твоя» - Крест неизбежен, и Христу надо на него идти - ради этих Его спящих учеников, которых Он только что очень просил помолиться вместе с Ним, ради всех нас с Вами живущих и людей будущего. Далее совершатся предательство Иуды, арест, бичевание, суды у первосвященника и Пилата, пытки, издевательства и всё остальное, и Господь идет на Крест.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным